
Николай
Стэф
Венера-2

Николай Стэф
Венера-2

https://litres.ru/74707038
SelfPub; 2026

Аннотация

Венера. Это не только золото, а ещё нечто, что ждало в недрах планеты тысячи лет.

Экипаж «Сокола» вернулся на орбитальную станцию «Гермес-9» с тайной: в недрах планеты спит живой инопланетный корабль, способный подчинять человеческий разум. Но вместо признания заслуг — карантин, допросы и гриф «абсолютно секретно». Военные отправляют на Венеру новую экспедицию «Аргус», надеясь заполучить чужие технологии. Алексей Волков, единственный, кто знает правду, пытается предупредить их — но его слова тонут в бюрократии и жажде власти.

Когда на орбите появляется второй корабль, «Корректор», человечество оказывается пешкой в древней войне двух инопланетных разумов. И теперь только горстка людей, уже побывавших в логове, может остановить катастрофу.

«Венера-2» — это твёрдая научная фантастика с элементами хоррора и военного триллера. История о том, как невежество и самонадеянность стоят дороже любого оружия, а спасение человечества начинается с умения слышать тех, кто уже видел бездну.

Николай Стэф
Венера-2

Глава 1

Прошёл уже месяц с того момента, когда международная орбитальная станция «Гермес-9» встретила возвращение шаттла с поверхности Венеры сигналами боевой тревоги, которую никто официально не объявлял.

«Гермес-9» висела над Венерой на стационарной орбите, и с определённого ракурса казалась не космической станцией, а огромным золотым кольцом, надетым на палец планеты. Центральный цилиндрический модуль с причальными фермами, от которого в стороны расходились три вращающихся жилых сегмента, был собран из модулей разных стран: российский сектор — матово-серый, с красными полосами по обшивке; китайский — с тёмно-синими панелями и иероглифами на грузовых люках; североатлантический — белый, с синими и звёздными эмблемами. Между ними тянулись переходы, кабельные линии, антенны дальней связи, похожие на серебристые паучьи лапы, и огромные радиаторы, от которых в вакууме не было ни дыма, ни пара — только едва заметное дрожание теплового излучения. Ниже, под станцией, висела Венера: жёлто-оранжевый шар, затянутый кислотными облаками, с медленно вращающимися вихрями.

Казалось, планета дышит. Иногда Алексей Волков ловил себя на мысли, что она действительно дышит — и не только атмосферой.

Шаттл вернулся не по расписанию. Его появление не анонсировали, а сигналы боевой тревоги, которые вспыхнули на частотах станции, никто так и не объяснил. Официально это называлось «внеплановой проверкой протоколов безопасности». Неофициально — весь персонал «Гермеса-9» знал: что-то случилось. И это «что-то» привезли с поверхности четверо.

Алексея Волкова, Карину Темирову, Елену Ветрову и Дмитрия Соколова разместили в четырёх смежных камерах с прозрачными стенами, сквозь которые их видел дежурный персонал круглосуточно. Камеры были не тюремными, а медицинскими — с белыми стенами, мягким светом, койками, встроенными в стены сенсорами и биометрическими панелями. Но от этого они не переставали быть камерами. Прозрачные перегородки между ними позволяли видеть друг друга, и первое, что сделала Карина, — приложила ладонь к стеклу и посмотрела на Алексея так, будто спрашивала: «Это всё по-настоящему?»

Военные из команды безопасности, не объясняя причин, изъяли у вернувшихся скафандры, электронные бортовые журналы, личные носители данных и даже имплантированные медицинские сенсоры. Сенсоры вынимали быстро, почти безболезненно, но Карина всё равно поморщилась и ска-

зала, что чувствует себя так, будто из неё вынули часть памяти.

— Это стандартная процедура, — сказал офицер безопасности капитан Хвостов, невысокий, сухой мужчина с коротким ёжиком седых волос и глазами, которые никогда не моргали дольше секунды. — Всё, что связано с неидентифицированным объектом, подлежит изоляции.

Алексей потребовал объяснить, на каком основании применяется фактический арест, и напомнил, что экипаж «Сокола» состоит из гражданских специалистов.

— Гражданских? — Хвостов поднял бровь. — На Венере вы выполняли контракт с государством. А значит, подпадаете под юрисдикцию соответствующего протокола.

— Мы не подписывали никакого протокола о содержании в стеклянных клетках, — сказал Алексей.

— Это карантинная процедура после контакта с неидентифицированным объектом. Все вопросы будут заданы позже. Сейчас — отдых, обследование, ожидание.

— Ожидание чего? — спросила Елена из соседней камеры. Она сидела на койке, поджав ноги, и смотрела на Хвостова сквозь стекло. — Пока вы решите, что с нами делать?

— Ожидание, — повторил Хвостов, будто это слово было ответом на всё.

Карина попыталась подключиться к общему каналу связи с Землёй через терминал в медицинском блоке, но обнаружила, что все её запросы блокируются военной цензурой

в реальном времени. Даже с родными поговорить не удастся. Она набирала команды, тыкала в сенсорный экран, вводила запросы через служебный доступ, который должен был работать для медицинского персонала, но экран каждый раз выдавал одно и то же: «Запрос заблокирован. Причина: временное ограничение внешних коммуникаций».

— Мы что, в тюрьме? — возмутилась Карина, оттолкнув терминал. — Мы вернулись с Венеры, мы выжили, мы привезли информацию, а нас заперли, как преступников!

— Нет, не в тюрьме, — ответил ей офицер безопасности Хвостов Игорь. Он стоял у входа в медицинский блок, скрестив руки, и смотрел на неё так, будто она была не человеком, а неисправным прибором. — Это для вашей же безопасности.

— Для нашей безопасности? — Елена усмехнулась. — И поэтому вы забрали у нас скафандры? Чтобы мы случайно не вышли погулять в открытый космос?

— Скафандры изъяты для экспертизы, — сказал Хвостов. — Они находились в контакте с объектом.

— С каким объектом? — спросила Карина. — С планетой? С пещерой? С кораблём?

Хвостов чуть заметно поморщился на слове «корабль».

— С неидентифицированным объектом, — сказал он ровно.

— Вы не можете держать гражданских под замком без ордера, — вмешался Алексей. — Мы не военные. У нас есть

права.

— На «Гермесе-9» действует режим временного военного управления, — ответил Хвостов. — Все вопросы — через командование. Ваши права не отменяются, но реализуются в рамках протокола.

— Какого протокола? — Алексей подошёл к стеклу. — У него есть номер? Дата? Подпись?

Хвостов посмотрел на него внимательно.

— Есть директива, — сказал он. — Вам её пока не покажут. Всё, что я могу сказать: вы не арестованы. Вы изолированы. Это разные вещи.

— Для человека в стеклянной коробке это очень тонкая разница, — заметил Дмитрий, лёжа на койке. Он выглядел хуже всех: бледный, с перевязанными рёбрами, с тёмными кругами под глазами. Но шутить не перестал. — Капитан, а у вас тут есть меню? Я бы заказал что-нибудь не из тюбика. Например, борщ. Или хотя бы бургер.

— Диета согласована с врачом, — ответил Хвостов.

— Значит, бургер нельзя? — уточнил Дмитрий.

— Нельзя.

— А если я скажу, что бургер — это лекарство?

— Тогда я скажу, что вы злоупотребляете чувством юмора, — ответил Хвостов без улыбки.

Карина фыркнула.

— Вот теперь я точно поняла, что мы в тюрьме, — сказала она. — В нормальной больнице персонал хотя бы улыбается.

— Улыбки не входят в протокол, — сказал Хвостов.

Дмитрий, глядя, как двое военных опечатывают их личные вещи, мрачно пошутил, что теперь они четверо — самые дорогие свидетели чего-то непонятного во всей Солнечной системе.

— Дорогие? — спросила Елена.

— Конечно, — сказал Дмитрий. — Мы видели то, что нельзя видеть. Значит, нас либо спрячут, либо… — он не договорил и сделал жест рукой, будто перерезал горло. — В общем, я чувствую себя коллекционным экспонатом. Правда, с трещинами в рёбрах.

Врачи в биозащитных костюмах взяли у каждого из них кровь, сделали полные сканы мозга и провели длительные психологические тесты с вопросами, странно конкретно касавшимися снов и голосов.

— Вам когда-нибудь снилось, что вы слышите чужой голос внутри головы? — спросила врач у Алексея, не поднимая глаз от планшета.

— Снилось, — сказал Алексей. — После Венеры — часто.

— Что именно вы слышали?

— Не знаю. Голос. Не свой. Он говорил, что я уже слышу его.

Врач замерла на секунду. Потом записала что-то и перешла к следующему вопросу.

— А вам, Карина, снилось что-то подобное?

— Мне снилось, что я снова в том отсеке и стучу в стену, а

мне никто не отвечает, — сказала Карина. — Это считается?

— Считается всё, — сказала врач.

— Тогда записывайте: я хочу домой.

Дмитрия отдельно водили на диагностику. У него обнаружили последствия тяжёлого ранения и перенесённой экстремальной перегрузки: внутренние кровоизлияния, трещины в рёбрах и повреждение сосудов сетчатки. Теперь он заканчивал лечение в госпитале станции — но и там его не оставляли одного, а перевозили между медицинским блоком и камерой под охраной.

— Могло быть хуже, — сказал Дмитрий, когда ему сообщили результаты. — Я мог остаться на Венере. Или мог остаться без глаза. Или без чувства юмора. Последнее было бы трагедией.

— Твоё чувство юмора — это отдельная травма, — сказала Елена.

— Спасибо, Елена. Я знал, что ты меня поддержишь.

Алексей настойчиво повторил врачам, которые тоже ходили за ним по пятам, что на Венере остался не древний артефакт, не техногенное образование, а живой инопланетный разум, заключённый в огромный корпус корабля, способный мыслить и действовать.

— Это не просто находка, — говорил он. — Это существо. Оно контролирует людей. Оно уже захватывало американский экипаж. Оно ждёт новых.

Врач, записывавший показания, замер на секунду и по-

смотрел на Хвостова через камеру наблюдения. Это длилось не больше мгновения, но Алексей заметил.

— Слово «живой» вы используете как метафору? — спросил врач, снова опуская глаза в планшет.

— Нет, — сказал Алексей. — Как факт.

— Мы зафиксировали, — сказал врач. — Дальше — не моя компетенция.

Хвостов немедленно приказал экипажу не обсуждать ничего из услышанного и увиденного даже между собой, сославшись на директиву о грифе «абсолютно секретно». Что их могут услышать случайные свидетели.

— Случайные свидетели? — переспросила Карина. — Мы в изолированном медицинском блоке. Здесь даже воздух фильтруется. Какие случайные свидетели?

— Персонал, — сказал Хвостов. — Другие пациенты. Каналы связи. Вы не представляете, насколько широко может распространяться информация.

— Тогда, может, выключите камеры? — предложила Елена. — Чтобы мы случайно не услышали сами себя.

— Камеры — часть протокола, — сказал Хвостов.

Каждому вручили бланк подписки о неразглашении с угрозой судебного преследования по статье о госизмене в случае любой утечки. Бумага была плотной, с водяными знаками, с мелким шрифтом, который не хотелось читать. Карина подписала, но заметила, что военные особенно нервно реагируют на слово «корабль», стараясь заменять его в про-

токолах формулировкой «структура».

— Смотрите, — сказала она, показывая Алексею на пункт в бланке. — «В случае обнаружения фрагментов неидентифицированной структуры…» Они даже в документе не пишут «корабль». Как будто если не назвать это кораблём, оно перестанет им быть.

— Или как будто боятся, что слово что-то запустит, — сказал Алексей.

— Что может запустить слово? — спросила Елена.

— Если бы я знал, — ответил Алексей.

Елена никак не могла успокоиться, вспоминая пустые, безжизненные глаза американских астронавтов в кадрах с «Голиафа», и всё чаще просила у дежурных снотворное.

— Мне не нужен наркоз, — сказала она дежурному медику. — Мне нужно, чтобы я перестала видеть их лица, когда закрываю глаза.

— Я не могу давать больше положенного, — ответил медик.

— А вы попробуйте объяснить это моим глазам, — сказала Елена.

Медик посмотрел на неё, потом на Хвостова, который наблюдал из коридора, и всё-таки выдал ещё одну дозу.

Алексей, наблюдая за процедурами, понял, что их показания уже кому-то стали крайне неудобны, и что власти, отвечающие за гражданскую часть работы станции, пытаются не расследовать произошедшее, а похоронить его. Точнее —

передать этот вопрос военным.

— Они не хотят знать, что мы видели, — сказал он Карине через стекло. — Они хотят знать, что мы будем молчать.

— Наши знания мешают им зарабатывать огромные деньги.

— А если мы не будем молчать? — спросила Карина.

— Тогда нас, скорее всего, переведут в другой статус. Из свидетелей — в обвиняемых.

— За что?

— За нарушение протокола. За контакт с объектом. За то, что вернулись живыми, когда должны были погибнуть.

— А может наш вопрос передадут военным, они любят такие вещи.

Эти догадки Алексея очень скоро подтвердились, когда в коридоре медицинского блока появился полковник Орлов — влиятельный офицер специального управления, чьё имя Алексей уже слышал в слухах о секретных космических программах. Орлов был высоким, сухим, с идеально выбритым лицом и глазами цвета мокрого асфальта. На нём был не медицинский костюм, а тёмная форма без знаков различия, и он шёл так, будто коридор принадлежал ему.

Он коротко осмотрел камеры изоляции — не задерживаясь ни на ком, будто пересчитывал экспонаты, — и приказал подготовить всех четверых к полному допросу в течение суток.

— Полковник, — сказал Алексей, поднимаясь с койки. —

Мне нужна аудиенция.

Орлов остановился и посмотрел на него сквозь прозрачную стену камеры.

— Аудиенция? — повторил он. — Вы не в посольстве, Волков.

— Я командир экипажа «Сокола». Я должен предупредить командование об угрозе.

— Вы уже предупредили, — сказал Орлов. — В отчёте, который написали врачи.

— Это не отчёт. Это мои слова, записанные на планшет. Я хочу говорить с теми, кто принимает решения.

Орлов внимательно посмотрел на него. Взгляд был не злой, не добрый — просто оценивающий. Как будто он смотрел на инструмент, который может пригодиться, а может сломаться.

— Утром, — сказал он наконец. — После сна и обследования. Тогда поговорим.

— Утром может быть поздно.

— Утром, — повторил Орлов. — Это не обсуждается.

Он повернулся и пошёл к выходу. Хвостов последовал за ним.

Когда полковник ушёл, Дмитрий тихо сказал:

— По лицу этого человека видно: он уже всё решил за всех нас.

— Что решил? — спросила Карина.

— Всё, — сказал Дмитрий. — Он просто ещё не сказал.

Алексей лёг на койку, но не спал, прокручивая в голове слова пришельца о том, что к Земле уже летят новые экспедиции. Он вспоминал голос, который говорил через Джона Харрисона: «Вы люди такие смешные существа. Всегда ищете жизнь, похожую на вас. Но во вселенной нет единых стандартов». Тогда эти слова показались ему пафосом. Теперь — предупреждением.

Ночью камеры наблюдения в медицинском блоке бесшумно изменили угол обзора, чтобы непрерывно следить за лицами спящих. Алексей заметил это не сразу: сначала просто почувствовал, что свет в блоке стал чуть иначе падать на стену. Потом увидел, как маленький чёрный глазок камеры под потолком медленно повернулся в его сторону.

Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок.

Теперь в экипаже «Сокола» все осознавали, что свобода закончилась, а настоящая борьба — только начинается.

Глава 2

Утром очередного дня Алексея без предупреждения вывели из камеры. Дверь открылась бесшумно, и на пороге появились двое охранников в тёмной форме — те же, что вчера, или другие, Алексей не запомнил лиц. Один из них коротко сказал: «Следуйте за нами», — и они повели его через три охраняемых коридора. Стены были серыми, с круглыми лампами в потолке, на каждом повороте — пост с ме-

таллодетектором и камерой. Где-то за перегородкой гудел вентилятор, и этот звук казался громче шагов. В конце пути охранники остановились у двери без номера, один приложил ладонь к сканеру, и дверь открылась в закрытый конференц-зал, оборудованный глушителями связи и подавителями записывающих устройств. Алексей почувствовал, как в ушах появилась лёгкая давящая тишина — так работали глушители: они не просто блокировали сигналы, они делали воздух плотнее.

За длинным столом его ждал полковник Орлов. Рядом с ним сидели двое безымянных офицеров с терминалами, а на стене горел экран с гербом военного ведомства — двуглавый орёл на фоне щита, без подписи, без девиза. Орлов не предложил сесть. Он смотрел на Алексея так, будто тот был не человеком, а документом, который нужно сверить с оригиналом.

— Волков, — сказал Орлов без приветствия. — Вы повторите полный, хронологический отчёт о всех событиях на Венере. Начиная с момента потери связи с первой экспедицией. Всё, что помните. Без пропусков. Без интерпретаций. Только факты.

Алексей стоял посреди зала, руки за спиной.

— Ну сколько ещё можно повторять, — сказал он, затем тяжело вздохнул. — Я уже рассказывал это врачам. И вам. И, судя по тому, что вы задаёте тот же вопрос, мой рассказ не изменился.

— Вода? — спросил один из офицеров, не поднимая глаз от терминала.

— Да, — сказал Алексей. — Пожалуйста.

Ему дали стакан. Вода была холодной, почти ледяной, и Алексей выпил её медленно, до дна, собираясь с мыслями. Потом поставил стакан на стол и начал.

— Ну хорошо, я повторю.

— Первая экспедиция пропала десять лет назад, — сказал он. — Официально — связь оборвалась. Неофициально — мы нашли одного выжившего. Виктора Карпова. Он был инженером первой миссии. Десять лет он жил на консервах и воде из системы регенерации. Он отправил сигнал бедствия, но его никто не искал. Сигнал пробился случайно.

— Где вы его нашли? — спросил Орлов.

— В уцелевшем модуле первой экспедиции. Модуль стоял под козырьком скалы, в десяти километрах от основной базы. Спутники его не видели, потому что он был скрыт породой. Я выехал на вездеходе «Буран». Один.

— Почему один?

— Потому что не хотел рисковать людьми. И потому что не знал, что там. Если бы там было что-то, о чём американцам знать не следовало, я не хотел, чтобы они оказались рядом.

Орлов чуть заметно кивнул. Один из офицеров что-то записал.

— Дальше, — сказал Орлов.

Алексей снова подробно описал пещеру в разломе, через которую можно подойти к пробоине в корпусе огромного корабля, скрытого под слоями вулканической пыли.

— Разлом был искусственного происхождения, — сказал он. — Или, точнее, он был результатом падения. Корабль упал и пробил породу планеты, и видимо в этот момент и получил ту пробоину. Внутри — корпус корабля мерцал, переливался, был словно живым. Виктор сказал: «Оно дышит». Тогда я решил, что он безумен. Теперь я так не думаю.

— Вы видели корабль лично? — спросил второй офицер.

— Да. Я спускался в пещеру. Я видел его. И я видел, что произошло с американским экипажем.

Алексей рассказал о порабощённом экипаже «Голиафа», о пустых глазах и о том, как люди превращались в проводников чужой воли. Он говорил медленно, подбирая слова, потому что каждое воспоминание отзывалось в нём тяжестью. Он рассказал, что и сам со своими людьми попал под это воздействие, и что ему удалось спасти людей только чудом.

— Чудом? — переспросил Орлов. — Уточните.

— Мы создали электромагнитный импульс, настроенный на частоту, которая прерывает телепатическую связь, — сказал Алексей. — Карина рассчитала частоту. Мы перенаправили энергию реактора резервного модуля на антенны. Это было рискованно. Мы могли поджарить им мозги. Но сработало.

— Кто такая Карина?

— Связист и медик нашего экипажа. Она была единственной, кто не попал под контроль. Она заперлась в аварийном отсеке и держалась, пока я не вернулся.

Орлов сделал пометку.

— Продолжайте.

Алексей помолчал. Потом сказал:

— Я принял решение уничтожить модуль «Голиаф» ядерным боеприпасом. Чтобы остановить распространение угрозы.

Он произнёс это медленно и тяжело, будто каждое слово было камнем, который нужно было вытащить из себя.

— Вы понимаете, что это было решение командира гражданского модуля? — спросил Орлов.

— Понимаю.

— И что оно привело к уничтожению имущества иностранной державы?

— Понимаю.

— И что вы действовали без санкции командования?

— Связи не было. Я действовал в условиях, где промедление означало бы, что инопланетный разум получит контроль над новыми людьми. Я выбрал меньшее зло.

Орлов слушал всё это без единой эмоции, лишь методично делая пометки на своём терминале и изредка прерывая рассказ уточняющими вопросами.

— Ядерный взрыв уничтожил корабль? — спросил он.

— Нет, — сказал Алексей. — Корабль остался там же, где

и был. Взрыв уничтожил «Голиаф» и часть добытой породы. Но корабль пришельцев не разрушен. Он остался в пещере.

— Вы уверены?

— Я видел, как он выглядел до взрыва. И я знаю, что бомба была малой мощности. Она не могла уничтожить нечто такого масштаба.

Орлов посмотрел на экран с гербом, будто искал там ответ.

— Что с Виктором Карповым?

— Он остался на Венере. В модуле «Сокол». Добровольно.

— Почему?

— Потому что он сказал, что его уже не спасти. Что «оно было сильнее». Он попросил оставить его. Я оставил ему запасы. Я знал, что к нему ещё вернутся люди, более компетентные, и решат, что с ним делать.

— Вы понимаете, что теперь он может снова стать проводником воли инопланетного разума?

Алексей выдержал паузу.

— Понимаю. Но у меня не было выбора. Убить его я не мог. Он был человеком. И он был жертвой.

Орлов закрыл терминал.

— Все материалы и показания экипажа «Сокола» засекречены, — сказал он. — Вы и ваши люди отстраняетесь от дальнейшего участия в миссиях. До особого распоряжения.

— Что это значит? — спросил Алексей. — Мы под аре-

стом?

— Это значит, что вы остаётесь на станции, так сказать в качестве консультантов. Вам будет оказана полная медицинская помощь. Но взамен вы храните абсолютное молчание о Венере.

— А если мы не будем молчать?

— Тогда вы будете молчать по-другому, — сказал Орлов. — В месте, где меньше свидетелей.

Алексей почувствовал, как у него непроизвольно сжались кулаки. Он заставил себя разжать пальцы.

— Полковник, — сказал он. — Я снова и снова предупреждаю: любая новая экспедиция на Венеру станет добычей для пришельца. Он уже доказал свою способность подчинять людей. Он ждёт. Он специально раскрыл нам столько информации о себе, чтобы мы присылали новые и новые экспедиции. Это ловушка.

— Военные не вправе игнорировать объект такой стратегической ценности, каким бы опасным он ни казался, — отрезал Орлов.

— Стратегической ценности? — Алексей шагнул вперёд. — Вы говорите о живом существе, которое захватывает разум. Вы понимаете, что, если оно получит контроль над военными, оно получит контроль над оружием? Над станциями? Над флотом?

— Мы понимаем риски, — сказал Орлов. — Но мы также понимаем, что тот, кто первым получит доступ к инопланет-

ным технологиям, получит преимущество, которое невозможно переоценить. Золото в недрах Венеры теперь никого не интересует. Оно меркнет на фоне того, что вы нашли.

— Вы меня не слышите, — сказал Алексей. — Вы слышите только слово «технологии».

— Я слышу всё, Волков. И я делаю выводы. Вы нашли нечто уникальное. И вы хотите, чтобы мы это оставили. Но мы не оставим.

Алексей с горечью увидел, что военных интересует только технология, а не его предупреждение об опасности для человечества.

— Вы совершаете ошибку, — сказал он тихо.

— Это не ваше дело, — ответил Орлов. — Ваше дело — вернуться в камеру и ждать.

Он кивнул охранникам. Те подошли к Алексею с двух сторон.

— После разговора с вами, — сказал Орлов, — я приказываю не выпускать экипаж за пределы станции. Ваше перемещение ограничивается жилым и медицинским секторами. Под наблюдением. Постоянным.

Алексея вернули в камеру изоляции, где Карина, Елена и Дмитрий ждали новостей с напряжёнными лицами. Карина сидела на койке, поджав ноги, Елена стояла у стекла, а Дмитрий лежал, но при звуке шагов приподнялся на локте.

— Ну? — спросила Карина. — Что сказали?

Алексей сел на койку. Провёл рукой по лицу.

— Нас отстранили, — сказал он. — Все материалы засекречены. Мы остаёмся на станции. Под наблюдением.

— Под наблюдением? — переспросила Елена. — Мы и так под наблюдением. У нас камеры в каждой стене.

— Теперь это официально, — сказал Алексей.

— А что с Венерой? — спросил Дмитрий. — Они собираются что-то делать?

Алексей помолчал.

— Они готовят новую миссию, — сказал он. — Военные берут её на себя.

— Новую миссию? — Карина встала. — Они что, не слышали, что мы рассказали? Там же корабль! Там же разум! Они что, думают, что смогут просто прийти и забрать его?

— Они думают, что смогут его использовать, — сказал Алексей. — Орлов сказал: «Объект такой стратегической ценности». Для него это не угроза. Это ресурс.

Дмитрий тихо выругался.

— Они хотят добыть технологии любой ценой, — сказал он. — Даже ценой новых жизней.

— Даже ценой своих людей, — сказала Елена. — Они отправят туда новый экипаж. И эти люди даже не будут знать, с чем столкнулись.

— Они будут знать, — сказал Алексей. — Орлов не настолько глуп, чтобы скрывать от них информацию. Но он считает, что сможет контролировать ситуацию. Что военные с их дисциплиной и оружием справятся лучше, чем граждан-

ские.

— И что мы будем делать? — спросила Карина.

Алексей посмотрел на каждого из них.

— Мы будем осторожны, — сказал он. — Любое неосторожное слово теперь может стоить нам свободы или чего похуже. В игру вступают военные. Они церемониться не будут. Мы для них — свидетели, которые знают слишком много. И если мы станем проблемой, они найдут способ нас изолировать. Навсегда.

— Ты предлагаешь молчать? — спросила Елена.

— Я предлагаю выжить, — сказал Алексей. — Пока что. А потом — искать выход.

Дмитрий усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Выход, — сказал он. — Из станции, которая находится на орбите Венеры. Где до Земли — месяцы полёта. Где каждый шлюз под контролем военных. Отличный план.

— У нас нет плана, — сказал Алексей. — Пока. Но у нас есть то, чего у них нет.

— Что? — спросила Карина.

— Мы видели это вблизи. Мы знаем, на что оно способно. Они — нет.

На станции между тем уже шла негласная подготовка к новой миссии на Венеру.

Глава 3

На орбитальной станции «Гермес-9» в соседних служебных доках началась боевая подготовка новой военной экспедиции, замаскированная под учения. Официально в расписании станции значились «плановые манёвры по отработке аварийного реагирования в условиях повышенной радиации». Неофициально — в третий док, самый большой, тот, что обычно использовался для сборки грузовых модулей, начали свозить контейнеры с маркировкой, которой Алексей раньше не видел: чёрные ящики с жёлтой полосой и надписью «БИОЗАЩИТА-7». Мимо камеры изоляции ежедневно проходили люди в форме инженерного корпуса, и с каждым днём их становилось больше. Один раз Алексей услышал обрывок фразы: «...герметичность шлюза проверить дважды, там давление не как у нас». Другой раз — «...тяжёлые скафандры серии „Геркулес“ уже на подходе».

Он запоминал всё. Каждое слово, каждый номер на контейнере, каждый поворот головы охранника. Это было единственное, что ему оставалось.

Военные аналитики признали показания экипажа «Сокола» формально полезными, но посчитали их субъективными и недостаточно доказательными. Алексей узнал об этом на очередном допросе, который теперь назывался консультацией.

— Вот именно поэтому я им и присвоил статус консультантов, — пояснил Орлов остальным офицерам, не обращая внимания на то, что Алексей сидел в двух метрах от него и

всё слышал. — Мы не знаем, с чем можем столкнуться на поверхности планеты точно, а эти гражданские явно что-то не договаривают.

— Вы считаете, они врут? — спросил один из офицеров, молодой, с планшетом.

— Я считаю, что они говорят то, что хотят сказать, — ответил Орлов. — И умалчивают то, что им кажется неважным. А на самом деле может быть критичным. Их пока нельзя отпускать.

— Но они уже месяц здесь.

— Месяц — это ничто. Они могут сидеть здесь ещё год, если понадобится. Нужна вся доступная информация.

Орлов приказал срочно изучить все записи Виктора Карпова и обломки американского модуля, доставленные на станцию дистанционным автоматическим аппаратом. Аппарат отправили на Венеру почти сразу после возвращения шаттла — маленький беспилотник, который спустился на поверхность планеты, собрал образцы с места взрыва и вернулся на орбиту. Алексей узнал об этом позже, из обрывков разговоров, и тогда же впервые почувствовал, что военные уже начали действовать без них.

Специалисты радиационной безопасности обнаружили на обломках следы неизвестного излучения, не совпадающего ни с одним природным или техногенным спектром. Об этом Алексею сообщили на следующей «консультации», а по факту очередном допросе — сухо, как о технической детали.

— Мы зафиксировали аномальное излучение, — сказал офицер с терминалом. — Оно не соответствует ни одному известному изотопу. Ни природному, ни искусственному.

— Я вам об этом и говорил, — сказал Алексей.

— Это подтверждает, что объект представляет интерес, — продолжил офицер, будто не услышав. — Но не подтверждает вашу версию о разумности.

— А что подтверждает разумность? — спросил Алексей. — Голос в голове? Я вам его не запишу. У меня не было диктофона в тот момент.

Хронологический анализ показал, что всплески этого излучения точно совпадали по времени с гибелью «Голиафа». Это подтверждало слова Алексея о некоем стороннем воздействии на американский экипаж.

— Всплески совпадают с моментом взрыва, — сказал офицер. — Это может означать, что объект отреагировал на угрозу.

— Объект не просто отреагировал, — сказал Алексей. — Объект понял, на что мы способны. И, скорее всего, сделал выводы.

— Мы не можем делать выводы на основании «скорее всего».

В итоге военные сделали вывод, что на Венере находится источник огромной энергии, способный изменить баланс сил в Солнечной системе.

— Источник энергии, — повторил Алексей, когда ему со-

общили об этом выводе. Он горько усмехнулся. — Эта энергия — не генератор. Это живое существо. Вы изучаете его так, будто это батарейка. А оно изучает вас.

— Волков, — сказал Орлов, — ваши метафоры не имеют доказательной силы. У нас есть спектры, есть замеры, есть хронология. У нас нет ни одного объективного подтверждения того, что это существо. Только ваши слова.

— Мои слова подтверждаются тем, что произошло с американцами.

— Американцы погибли при взрыве. Это официальная версия.

— Официальная версия — это то, что вы решили записать.

— Именно так, — сказал Орлов без тени смущения. — И пока у нас нет другой, мы будем работать с этой.

Алексею вежливо, но твёрдо ответили, что доказательств недостаточно и одних его слов для изменения планов операции мало.

Карина напомнила в письменном виде об угрожающих словах пришельца о новых экспедициях, которые «сами придут к нему». Она написала заявление на имя Орлова — короткое, на одной странице, с цитатой, которую запомнила дословно: «Вы люди такие смешные существа. Всегда ищете жизнь, похожую на вас. Но во вселенной нет единых стандартов». И ниже — свой вывод: «Он ждёт новых экспедиций. Он не сопротивлялся, потому что не видел в этом необходи-

мости. Каждая новая экспедиция — это новые люди, которых он сможет использовать».

Орлов публично запретил ей участвовать в любом обсуждении операции, посчитав её эмоционально задействованной.

— Темирова, — сказал он, когда она попыталась задать вопрос на общей консультации, — вы врач. Ваша задача — следить за здоровьем экипажа. Не за стратегией.

— Я связист, — сказала Карина. — И я единственная, кто слышал его голос через ретранслятор.

— Вы слышали помехи, — сказал Орлов. — И сделали выводы, которые соответствуют вашему эмоциональному состоянию. Это не экспертиза. Это стресс.

— А если мой стресс окажется прав?

— Тогда мы учтём это в отчёте, — сказал Орлов. — После операции.

Карина вернулась в камеру бледная и молчаливая. Алексей посмотрел на неё и всё понял без слов.

— Запретил? — спросил он.

— Запретил, — сказала она. — Сказал, что я эмоционально задействована.

— Ты эмоционально задействована.

— Да. Потому что я видела, что там происходит. И потому что я не хочу, чтобы это повторилось с другими.

Тем временем на Землю через защищённый канал ушла секретная сводка с грифом особой важности, описывающая

ситуацию на Венере. В этой сводке объект официально именовался «неизвестной техногенной структурой», а слова о живом разуме были аккуратно вычеркнуты. Алексей узнал об этом от Хвостова, который зачем-то счёл нужным сказать ему об этом — возможно, чтобы тот понял, что борьба проиграна, а возможно, по какой-то другой причине, которую Алексей тогда не разгадал.

— Сводка ушла, — сказал Хвостов, стоя у стекла камеры. — Объект назван техногенной структурой. Ваши формулировки не вошли.

— Почему?

— Потому что они не доказаны.

— А кто решает, что доказано?

— Те, кто пишет сводки, — сказал Хвостов и ушёл.

Алексей в очередной раз, теперь уже через Хвостова, просил хотя бы передать его предупреждение будущей экспедиции до её старта.

— Капитан, — сказал он. — Я не прошу отменить миссию. Я прошу передать людям, которые полетят, одну фразу: «Если вы услышите голос в голове — не отвечайте». Это всё.

— Я передам вашу просьбу, — сказал Хвостов.

— Передайте не просьбу. Передайте фразу.

— Я передам, — повторил Хвостов.

Орлов формально пообещал учесть это пожелание, но не изменил ни одного пункта приказа о подготовке миссии.

А через два дня мимо их прозрачных камер провели груп-

пу людей в лётных комбинезонах без знаков различия — четверо мужчин, все молодые, все с одинаково сосредоточенными лицами. Они шли к третьему доку, и один из них что-то оживлённо обсуждал с другим, показывая на планшет. Алексей прижался к стеклу, пытаясь разглядеть их лица, но охранник заслонил обзор.

— Это они? — спросила Елена.

— Похоже, — сказал Алексей.

— Они даже не знают, что мы здесь, — сказала Карина.

— Знают, — сказал Дмитрий. — Им наверняка сказали, что есть какой-то экипаж, который что-то видел. Только вряд ли сказали, что именно.

Экипаж «Сокола» остался в полной изоляции на орбитальной станции «Гермес-9», их переговоры прослушивались, а каждый новый день приносил всё больше признаков надвигающейся катастрофы.

Алексей в долгие часы одиночества прокручивал в памяти каждую секунду пребывания в пещере, пытаясь найти упущенную деталь, которая могла бы спасти новую экспедицию.

Он закрывал глаза и снова видел мерцающий корпус — не металл, не камень, а что-то среднее, живое, дышащее. Он вспоминал, как луч фонаря скользил по поверхности и как поверхность отвечала на свет — не отражала, а именно отвечала, будто узнавала. Он вспоминал Виктора, который стоял у входа и шептал: «Оно слышит». Тогда Алексей решил, что это безумие. Теперь он понимал: Виктор не был безумен.

Виктор был первым, кто понял правила.

Он понял, что главная ошибка первой миссии — не любопытство, а невежество: люди шли в пещеру, не зная правил игры. Они думали, что нашли корабль. А корабль думал, что нашёл их. Первая миссия рассуждала как исследователи: увидели, зафиксировали, потрогали, принесли образцы. А нужно было рассуждать как сапёры: сначала понять, что это, потом решить, можно ли к этому приближаться, и только потом — если вообще нужно — идти внутрь. Они нарушили главное правило любого контакта: не вступать в игру, правил которой не знаешь. И инопланетный разум не замедлил этим воспользоваться. Он не нападал. Он ждал. Он позволял им трогать, изучать, восхищаться. А потом начал говорить. И люди — начали слушать. И чем дольше они слушали, тем меньше оставалось от них самих. Алексей с горечью думал: мы пришли к нему как завоеватели, а ушли как его продолжение. И теперь новые люди готовятся повторить ту же ошибку. Только на этот раз с оружием. И это будет хуже.

Офицер Хвостов однажды вечером зашёл к камерам и неожиданно спросил Алексея, правда ли, что тот готов вернуться на Венеру, если прикажут.

— Правда, — сказал Алексей.

Хвостов смотрел на него дольше, чем обычно.

— Даже после всего, что там было?

— Капитан, я не хочу туда возвращаться. Но если от этого зависит, поймут ли люди, во что они лезут, — я готов.

— А если ваши слова так и не будут услышаны до вылета?

— Тогда я скажу это им там. На месте. Перед тем, как они войдут в пещеру.

Хвостов ничего не ответил, но посмотрел на Алексея очень странно. В его глазах Алексей как бы прочитал фразу: «Будь готов ты и твои люди». Он не был уверен, что не придумал это сам. Но взгляд был не такой, как всегда: не оценивающий, а какой-то другой, будто Хвостов уже знал что-то, чего не знал Алексей, и решал, можно ли ему об этом сказать.

Глава 4

Приказ о формировании специальной операции под кодовым названием «Аргус» был подписан в закрытом режиме — без пресс-релиза, без уведомления международных наблюдателей, без упоминания в открытых каналах связи станции «Гермес-9». Официальной целью значилось «установление контроля над подвижным модулем „Сокол“ и обнаруженным в его окрестностях неидентифицированного объекта техногенного происхождения». В расшифровке для узкого круга — спуск к модулю, изоляция Виктора Карпова, а затем проникновение в пещеру. Слово «пришелец» не употреблялось ни в одном документе. Слово «разум» — тоже. В бумагах писали «объект», «структура», «источник аномального излучения».

В состав экспедиции вошли двадцать четыре солдата спецназа, восемь техников-инженеров и один гражданский специалист — доктор Ганс Вернер, ведущий эксперт по нейросигналам и экстремальной психологии, человек с безупречным военным послужным списком и репутацией, которая в одних кругах считалась гениальной, а в других — тщательно срежиссированной. Вернер был американцем. И то, что именно он возглавил «Аргус», было не случайностью, а результатом дипломатического нажима: Соединённые Штаты хотели знать, что произошло с их экипажем на Венере, и готовы были добиваться этого любыми средствами. Международное сообщество, управлявшее станцией, уступило — с оговоркой, что вся полученная информация будет доступна всем участникам в равной мере. Оговорка была записана в протокол. На практике она означала лишь то, что отчёты будут рассылаться по нескольким адресам одновременно, а не по одному.

У Вернера были безупречные рекомендации. Его называли профессионалом мирового уровня, способным распознать любое ментальное влияние и нейтрализовать его методами когнитивной терапии. Многие считали его шарлатаном — но шарлатаном, умеющим вести переговоры так, что даже скептики начинали сомневаться в собственной правоте. В уме и высокопоставленных связях ему отказать было нельзя. За неделю до вылета он изучил все материалы первой пропавшей экспедиции, все записи Виктора Карпова, кото-

рые удалось восстановить, и детальные показания Алексея, снятые во время допросов. Он читал их медленно, с карандашом в руке, делая пометки на полях. Потом закрыл папку и сказал своему помощнику:

— Либо этот Волков — очень хороший лжец, либо мы имеем дело с чем-то, чего в нашей науке ещё не было. В обоих случаях мне нужно туда.

Публично Вернер заявлял, что не верит в «живой корабль» как в разумное существо. Он допускал возможность неизвестного психотропного или излучательного воздействия — но не более. «Одинокий выживший после десяти лет изоляции мог просто сойти с ума, — говорил он на брифинге. — А „голос“ пришельца — лишь продукт его раздвоения личности. Мы проверим это на месте». Военные дали ему широкие полномочия: вести допросы непосредственно на Венере, с правом немедленной изоляции любого члена отряда, включая офицеров. Это была беспрецедентная власть для гражданского специалиста. Но Вернер был не совсем гражданским — за его плечами был военный опыт, о котором он предпочитал не распространяться.

Солдатам для этой миссии выдали новейшие тяжёлые скафандры с рефлекторной бронёй, импульсное оружие и индивидуальные психодатчики, которые мониторили стресс и мозговую активность в реальном времени. Каждый датчик передавал данные на командный терминал, и Вернер мог видеть, как меняется состояние любого бойца, даже если тот

молчал. Это должно было стать его главным инструментом. Экспедицию готовили к жёсткой посадке в непосредственной близости от подвижного модуля «Сокол» — несмотря на все предупреждения Алексея о поверхности, о давлении, о кислоте, о том, что любой неверный шаг может стоить жизни.

Алексей подал официальную просьбу включить его в состав миссии. Он написал её от руки, коротко, по существу: «Я — единственный человек, который был внутри пещеры и вернулся. Я знаю, как выглядит корабль, как он реагирует на свет, как звучит голос, который он использует. Без меня вы летите вслепую». Ответ пришёл через два часа. Категорический отказ. Орлов лично сообщил ему, что его присутствие «дестабилизирует ситуацию» и подорвёт авторитет командования в глазах отряда.

Карина просила разрешить ей хотя бы консультировать связистов миссии дистанционно. Ей отказали под предлогом продолжающегося карантина.

— Карантин, — сказала она, когда ей передали ответ. — Мы здесь месяц. Мы здоровы. Они просто не хотят, чтобы я говорила с их связистами.

— Они не хотят, чтобы ты рассказала им про голос, — сказал Алексей.

— Да. Потому что если они услышат про голос от меня, то могут начать думать. А думающие солдаты — это проблема для командования.

Вернер на брифинге пообещал руководству подробный отчёт о психическом состоянии Виктора Карпова в течение первых суток контакта. Он высказал рабочую гипотезу: одинокий выживший после десяти лет изоляции мог просто сойти с ума, а «голос» пришельца — лишь продукт его раздвоения личности. Гипотеза была удобной. Она позволяла военным надеяться, что на Венере их ждёт не разум, а сломленный человек, которого можно изолировать, допросить и вернуть на станцию. Военные руководители втайне надеялись получить доступ к технологиям пришельцев: источникам энергии, материалам корпуса и методам ментального воздействия. Участники миссии «Аргус» получили прямой приказ не уничтожать объект без крайней необходимости — что на военном языке означало «не уничтожать вообще».

Корабль экспедиции, тяжёлый десантный шаттл «Клинок», загрузили оборудованием и стартовал к Венере при полной герметизации информации. Алексей проводил его старт мысленно, глядя в иллюминатор изолятора. Он видел, как от станции отделилась тёмная сигара шаттла, как вспыхнули дюзы, как корабль медленно поплыл вниз, к жёлто-оранжевому шару. И почувствовал холодную волну предчувствия — не острого, не панического, а тяжёлого, как будто внутри что-то оборвалось и теперь медленно падало в пустоту.

Карина в этот момент молилась про себя. Она не была религиозной в обычном смысле, но за последний месяц на-

училась разговаривать с чем-то большим, чем она сама. Она просила не о чуде. Она просила, чтобы люди, которых посылали в ловушку, хотя бы успели понять, что это ловушка.

Елена проверила и перепроверила свои записи. Она не верила, что военные на это всё равно решились. Она читала свои собственные отчёты о геологии пещеры, о структуре породы, о том, как выглядел разлом, и понимала: люди, которые полетят туда, не будут знать и половины того, что знала она. Их посадят в скафандры, дадут оружие и скажут: «Вперёд». А они даже не поймут, что вошли в чужой дом.

Дмитрий, несмотря на остаточные боли, тренировался в медблоке. Врачи запрещали ему нагрузки, но он всё равно делал упражнения — медленно, осторожно, стиснув зубы. Он понимал, что рано или поздно им самим предстоит вернуться на Венеру. Не потому, что так хотело командование. А потому, что они были единственными, кто знал правду, и если военная экспедиция провалится — а он был почти уверен, что провалится, — то спасать придётся именно им.

На станции усилили охрану изолятора «Дельта», где содержался экипаж «Сокола». У дверей появились дополнительные посты, камеры перенастроили на непрерывную запись, и даже медицинский персонал проходил теперь через двойной контроль. Словно военные боялись, что экипаж попытается сбежать и предупредить отряд. Алексей наблюдал за этими приготовлениями через стекло и думал: они боятся не нас. Они боятся того, что мы можем сказать. Они боятся,

что наши слова окажутся правдой, и тогда им придётся признать, что они послали людей на смерть, зная об этом.

Орлов в закрытом докладе на Землю написал, что риски миссии «приемлемы» в свете стратегической ценности объекта. Слово «приемлемы» он подчеркнул дважды.

Вернер в пути изучил личные дела всех солдат. Он отбирал тех, кто по психотипу наименее подвержен внушению: скептиков, прагматиков, людей с низкой внушаемостью и высокой стрессоустойчивостью. Он читал их характеристики, смотрел записи психологических тестов, отмечал тех, кто в прошлом проявлял независимость суждений. Ему нужны были не просто солдаты. Ему нужны были люди, которые смогут сохранить ясность рассудка, если в пещере что-то пойдёт не так. Но даже лучшие из них, как он понимал, не были готовы к тому, что их ждало. Потому что к такому нельзя подготовиться.

Солдаты между собой говорили о миссии как о простом эвакуационном рейде. Они сидели в десантном отсеке «Клинка», пристёгнутые к креслам, и обсуждали предстоящее спокойно, будто речь шла о рядовой операции.

— Говорят, там один выживший, — сказал рядовой Ковалёв, молодой парень с веснушками и простодушным лицом. — Десять лет один. Представляете?

— Представляю, — ответил сержант Гринько, широкоплечий, с седым виском. — Крыша у него давно поехала. Наверняка встретит нас с топором.

— Да ладно, — усмехнулся другой солдат, рядовой Шульц. — Он же сигнал бедствия подавал. Значит, ждал спасения. Обрадуется.

— Ага, — сказал Ковалёв. — Только представь: ты десять лет один, на Венере, в аду этом. И тут приходят люди. Ты бы обрадовался?

— Я бы, наверное, плакал, — сказал Шульц.

— Вот и он, может, заплачет. А может, наоборот — двинет чем-нибудь тяжёлым. Потому что за десять лет никто не пришёл, а тут вдруг пришли. Странно это.

Сержант Гринько, который слушал молча, наконец сказал:

— Наше дело — не рассуждать. Наше дело — вытащить его и доставить на станцию. Всё остальное — не наша забота.

— А если он не захочет? — спросил Ковалёв.

— Тогда у нас есть приказ. Изолировать и доставить. Добровольно или нет.

— А если он не один? — спросил Шульц. — Вдруг там ещё кто-то есть?

В отсеке повисла пауза. Никто не ответил. Потому что все понимали: официально там никого быть не должно. Но официально — это не значит правда.

— Ладно, — сказал Гринько. — Хватит. Проверить снаряжение.

Они проверяли снаряжение. Скафандры, оружие, датчики. Каждый из них знал своё дело, каждый был профессионалом. Но никто из них не знал, что летит навстречу разуму,

старше человечества. Им сказали: «Эвакуационный рейд». Им сказали: «Один выживший, возможно невменяемый». Им сказали: «Объект представляет научный интерес». Никто не сказал им: «Вы летите к тому, кто уже захватывал людей. Кто умеет говорить в ваших головах. Кто не сопротивлялся, потому что не видел в этом необходимости».

Десантный шаттл приближался к Венере. В кабине, на приборах, уже мерцали первые слабые аномалии в сигналах с планеты. Техник-инженер, сидевший у пульта, хмурился и перепроверял показания.

— Что там? — спросил командир отряда, майор Черных, человек с тяжёлым подбородком и спокойными глазами.

— Помехи, — сказал техник. — Необычные. Не атмосферные. Не ионосферные. Как будто... — он запнулся.

— Как будто что?

— Как будто кто-то на той стороне знает, что мы летим.

Майор посмотрел на экран. Потом на Вернера, который сидел в соседнем кресле и внимательно слушал.

— Это может быть что угодно, — сказал Вернер спокойно. — Венера — планета с экстремальными условиями. Аномалии в сигналах — норма.

— Норма, — повторил техник. — Только эти аномалии появляются с определённой периодичностью. Как будто... — он снова запнулся.

— Как будто что? — повторил майор.

— Как будто это не помехи, а... ритм, — сказал техник.

— Как будто что-то пульсирует.

Вернер сделал пометку в своём планшете. Он не выглядел обеспокоенным. Но его рука, когда он убирал планшет, на секунду задержалась в воздухе, будто он хотел что-то сказать, но передумал.

Глава 5

«Клинок» вошёл в плотные слои атмосферы Венеры, и корпус корабля начал содрогаться от сверхзвукового сопротивления. Сначала это была мелкая, почти незаметная дрожь — будто кто-то взял тяжёлый десантный шаттл в ладонь и осторожно потряхивал, проверяя, насколько крепко держатся болты. Потом дрожь стала крупной, злой, костистой. Обшивка загудела на низкой ноте, от которой закладывало уши; в переборках что-то щёлкало и поскрипывало, как старый металл в мороз. За иллюминаторами не было неба — только мутная желто-оранжевая взвесь, в которой вспыхивали и гасли разряды. Кислотные облака неслись мимо с чудовищной скоростью, и казалось, что шаттл не летит, а падает сквозь кипящее масло.

В десантном отсеке солдаты сидели пристёгнутыми к креслам. Лица у всех были сосредоточенные, но спокойные — так выглядит дисциплина, вбитая тренировками глубже страха. Кто-то беззвучно шевелил губами, повторяя инструкцию. Кто-то проверял крепления оружия, хотя прове-

рял их уже в пятый раз. Молодой рядовой Ковалёв с веснушками и простодушным лицом держался за ремни так, будто они были единственным, что отделяло его от бездны. Сержант Гринько сидел неподвижно, широкоплечий, с седым виском, и смотрел перед собой так, словно уже видел точку высадки. Рядовой Шульц рядом с ним пытался шутить, но шутки выходили короткими и не смешными.

Доктор Ганс Вернер сидел в отдельном кресле у переборки, пристегнутый так же надёжно, как все остальные, но держался иначе. Он не проверял ремни и не смотрел на солдат. Он смотрел на экран планшета, где медленно ползли строки телеметрии, и делал пометки карандашом — короткие, экономные, как будто каждая буква должна была оправдать своё существование. Его лицо оставалось спокойным, но в уголках глаз залегла внимательность человека, который привык оценивать не то, что ему говорят, а то, что при этом умалчивают.

В кабине пилотов было теснее и жарче. Старший лейтенант Ремезов, пилот первого класса с тяжёлым подбородком и глазами человека, проведшего в атмосферах больше времени, чем на твёрдой земле, держал руки на управлении. Второй пилот Бочкарёв, молодой, но с уже заметной лысиной у висков, быстро перелистывал на боковом терминале данные, оставленные экипажем «Сокола».

— Смотри, — сказал Бочкарёв, ткнув пальцем в экран. — Они шли вот здесь. Между двумя вихревыми зонами. Если

снесёт на север — попадём в сдвиг ветра, а там турбулентность такая, что нас разложит на составляющие.

— А если на юг? — спросил Ремезов, не отрываясь от лобового экрана.

— Если на юг — попадём в зону, где у них дважды падала телеметрия. Оба раза — на подлёте к разлому. Там что-то с магнитометром. Или с чем-то ещё.

— С чем-то ещё, — повторил Ремезов. — Отличная формулировка. Люблю точность.

— «Сокол» оставил данные по коридору. Видишь? Они пробили маршрут вот через эту седловину. Ветер там слабее, давление стабильнее. Но коридор узкий. Отклонение больше двухсот метров — и мы в облаке с кислотной взвесью.

— Двести метров — это не так мало.

— Для «Сокола» — не мало. Для «Клинка» — почти ничего. Если запоздаем с коррекцией, нас вынесет.

Ремезов медленно кивнул. На лбу у него блестели капли пота, но руки оставались твёрдыми.

— Значит, не запоздаем, — сказал он. — Пошли по их коридору. Только держи скорость ниже. Мне не нужны рекорды. Мне нужно посадить эту тушу так, чтобы она не развалилась.

— Скорость ниже — нас сильнее болтает.

— Зато у нас будет время понять, что мы ещё живы.

Бочкарёв усмехнулся, но пальцы уже бегали по клавишам, вводя корректировки. На экране вспыхнула схема коридора:

тонкая зелёная линия между двумя багровыми пятнами турбулентности. «Сокол» прошёл здесь. «Сокол» вернулся. Но «Сокол» был меньше, легче, и на нём не было двадцати четырёх солдат, восьми техников и гражданского специалиста с чемоданом датчиков.

— «Клинок» — ноль-один, — сказал Ремезов в переговорное устройство. — Входим в коридор. Всем занять места. Повторяю: всем занять места.

В десантном отсеке голос пилота прозвучал глухо, как из-под воды. Вернер поднял голову, посмотрел на солдат и снова опустил глаза к планшету. Он отметил время. Потом добавил в блокноте одну фразу: «Экипаж напряжён, но управляем. Проверить реакцию на первом контакте».

Шаттл тряхнуло так, что Ковалёв стукнулся зубами о собственный воротник. Шульц выругался вполголоса. Гринько даже не изменился в лице.

— Держимся, — сказал он. — Это ещё не посадка.

— А что будет посадкой? — спросил Ковалёв.

— Посадка будет хуже.

Он оказался прав.

«Клинок» пробил нижний слой облаков, и на экранах впервые проступила поверхность — не жёлто-оранжевая, как с орбиты, а бурая, изрытая, с длинными трещинами и пятнами соляных плит, похожих на заплаты. Ветер гнал по ней пыль, и она стлалась низко, как дым. В расчётной точке, в двухстах метрах от подвижного модуля «Сокол», пилоты

увидели ровную площадку — вернее, то, что казалось ровным на карте. Соляная плита была покрыта сетью мелких трещин, но держала.

Ремезов сбросил тягу. «Клинок» пошёл вниз медленно, тяжело, как грузовой лифт, у которого отказали тормоза. В последние секунды шаттл качнуло влево. Пилоты выровняли его, но одна из опорных стоек ударила в край плиты, пробила оболочку и ушла в грунт по самое сочленение. Корпус дёрнулся, накренился, и в десантном отсеке что-то сорвалось с крепления и с грохотом покатилось по полу.

— Твою мать! — рявкнул Ремезов, вцепившись в управление. — Твою мать, твою мать, твою мать!

— Левая опора! — крикнул Бочкарёв. — Левая опора пробила плиту! У нас крен три градуса!

— Вижу крен! Держи правую! Держи правую, я сказал!

— Держу! Но у нас стойка в грунте, как гвоздь в доске!

— Вытащи её! Или мы тут навсегда, как памятник!

— Чем вытащить? У нас нет крана! У нас есть шаттл, который весит как чугунный мост!

Ремезов выругался ещё раз, длинно и зло, но без паники. Паника в его голосе означала бы, что всё действительно плохо. Сейчас голос был злой, значит, ситуация оставалась в пределах ремонтопригодности.

— Отключай левую гидравлику! — приказал он. — Переводим вес на правую и кормовую. Пусть стоит криво, лишь бы стояла.

— А если плита дальше пойдёт?

— Тогда мы будем стоять криво и в яме. Но стоять.

Через минуту шаттл замер. Крен остался, но корпус больше не дёргался. В кабине повисло тяжёлое дыхание.

— Ну вот, — сказал Бочкарёв, вытирая лоб. — Сели.

— Это не посадка, — ответил Ремезов. — Это падение с удачным исходом. Запиши в журнал: «посадка произведена с отклонением от расчётной схемы». И добавь: «опорная стойка повреждена». И ещё добавь: «пилоты выражают крайнюю степень неудовлетворения».

— Какую степень?

— Крайнюю. И матерную.

В десантном отсеке уже отстёгивались ремни. Майор Лукин, командир отряда, поднялся первым. У него было тяжёлое лицо, спокойные глаза и манера говорить так, будто каждое слово уже согласовано с приказом.

— Всем тихо, — сказал он. — Внешняя атмосфера — ад. Проверить скафандры. Первая группа — периметр. Вторая — шлюзы модуля. Третья — со мной. Работаем быстро, но без глупостей. Если что-то покажется странным — докладывать сразу. Не геройствовать.

Солдаты вышли через кормовой люк. Ветер ударил в скафандры, и пыль заскребла по броне, как мелкий песок по стеклу. Видимость была метров тридцать, не больше. «Сокол» проступал сквозь жёлтую мглу тёмным силуэтом — подвижный модуль, когда-то казавшийся надёжным домом, а

теперь похожий на брошенный вагонетку в аду. Его обшивка была покрыта пятнами эрозии, вмятинами от мелких ударов, а в одном месте — длинной царапиной, будто кто-то провёл по металлу гигантским ногтем.

Солдаты немедленно выстроили периметр охраны. Гринько распределил бойцов по секторам, двое заняли позицию у кормового люка, ещё двое — у носовой части шаттла. Остальные приступили к проверке шлюзов и систем модуля «Сокол». Техники тащили за ними кабели, портативные сканеры и герметичные контейнеры для образцов. Ветер бил в спины, и каждый шаг оставлял в соляной пыли след, который тут же затягивало.

— Шлюз цел, — доложил техник по внутренней связи. — Внешний контур герметичен. Давление в тамбуре — ноль. Модуль не разгерметизирован, но и не живёт. Похоже, системы в спящем режиме.

— Открывай, — приказал Лукин.

Шлюз открылся с тяжёлым металлическим вздохом. Внутри было темно. Аварийные лампы не горели. Техники запустили переносной генератор, и под потолком тамбура вспыхнул холодный белый свет. Он выхватил из темноты стены с потёками конденсата, пол с решётчатым покрытием и ряд крючков для скафандров, на которых не осталось ничего, кроме пыли.

Солдаты проникли в модуль первыми. Они двигались медленно, короткими перебежками, проверяя каждый угол.

Оружие было поднято, но стволы смотрели в пол. Внутри «Сокола» стояла тишина. Не просто отсутствие звука — а густая, неестественная тишина, будто модуль не пустовал, а затаился. Шаги солдат глохли в ней, как в вате. Даже дыхание в шлемах казалось слишком громким.

Вернер вошёл в шлюзовую камеру последним из основной группы. Он не стал осматриваться. Первое, что он сделал, — поднял руку и сказал:

— Никто ничего не трогает. Ни один ящик, ни один шкаф, ни один кабель. Первым делом — Виктор Карпов. Я хочу видеть его до того, как кто-либо начнёт осматривать модуль. Это ясно?

Лукин посмотрел на него, но спорить не стал. Полномочия Вернера были прописаны в приказе, и майор умел читать приказы.

— Ясно, доктор. Гринько, веди группу к техническому отсеку. Остальные — по местам. Без моего сигнала ничего не открывать.

Основная группа вошла в «Сокол» и сразу ощутила внутри неестественную, гробовую тишину. Она давила на уши сильнее, чем венерианское давление снаружи. В коридоре пахло остывшим металлом, старой резиной и чем-то кислым, будто воздух долго не меняли. Аварийные лампы, которые техники успели подключить, горели через одну, и коридор казался длиннее, чем был на самом деле.

Модуль оказался серьёзно повреждён внешними ударами

и эрозией. На обшивке изнутри были видны тёмные полосы — следы микрометеоритов и кислотной коррозии. В одном месте панель обшивки была вдавлена так, что крепления лопнули и торчали наружу, как рёбра. Но основные отсеки сохранили герметичность и работу систем жизнеобеспечения. На пульте жизнеобеспечения мигали зелёные индикаторы — слабые, но живые. Воздух был пригоден для дыхания, хотя и с привкусом.

Военные обнаружили следы поспешной эвакуации. В жилом отсеке были раскрыты шкафы, и из них вывалилась одежда. На полу валялись разорванные упаковки рационов, пустые тюбики, смятые салфетки. Через порог был переброшен чей-то рюкзак, будто человек бежал и не стал его поднимать. На столе лежал планшет с треснувшим экраном, рядом — остывшая кружка с тёмным налётом на дне. Всё это выглядело так, будто люди уходили в спешке, но не от паники, а от приказа, который нельзя было обсуждать.

— Как будто они уходили на минуту, — тихо сказал Ковалёв, глядя на разбросанные вещи. — И не вернулись.

— Молчи, — сказал Гринько. — Смотри под ноги.

Виктора Карпова обнаружили в дальнем техническом отсеке. Дверь была приоткрыта. За ней стоял полумрак, в котором угадывались силуэты труб, ящиков и стоек с инструментами. Виктор сидел на ящике с инструментами, положив руки на колени, и спокойно ожидал гостей. Он не вскочил, не потянулся за чем-то, не закричал. Он просто поднял го-

лову, будто услышал шаги и решил, что пора посмотреть, кто пришёл.

Он выглядел неожиданно ухоженным и спокойным для человека, прожившего десять лет в полном одиночестве на мёртвой планете. Волосы у него были коротко подстрижены, борода аккуратно подравнена, комбинезон — чистый, хотя и заношенный. На лице не было ни отчаяния, ни безумия, ни той пустоты, которую Вернер ожидал увидеть. Он выглядел как человек, который долго ждал и наконец дождался.

Солдаты на рефлексе наводили на него оружие. Стволы смотрели ему в грудь, в голову, в живот. Виктор не шевельнулся. Он только чуть склонил голову набок, как птица, и посмотрел на Вернера.

— Опустить, — сказал Вернер. Голос его прозвучал ровно, но с такой силой, что солдаты подчинились раньше, чем осознали. — Это не враг. Это свидетель. Ясно? Оружие вниз, но не убирать. Мы не знаем, что здесь происходит.

Виктор медленно улыбнулся. Улыбка была усталой, но не злой.

— Спасибо, — сказал он. — Я уже начал забывать, как звучит вежливость.

— Вы Виктор Карпов? — спросил Вернер.

— Да, — ответил он.

Виктор говорил связно, вежливо и даже сам предложил свою помощь в осмотре пещеры. Он рассказал, что помнит расположение коридоров, что знает, где просела порода, где

может быть опасно, а где можно пройти. Он говорил спокойно, без пафоса, как человек, который просто предлагает услугу.

— Я могу провести вас к разлому, — сказал он. — Только нужно быть осторожными. Там есть участки, где порода держится на честном слове. И ещё — не светите в темноте без нужды. Оно не любит резкого света.

— Оно? — переспросил Вернер.

— Корабль, — сказал Виктор. — Или то, что внутри. Я не знаю, как его называть. Алексей называл его «существом». Я называл его «оно». Так проще.

Вернер достал портативный датчик и принялся за измерения. Пульс у Виктора был ровным — семьдесят два удара в минуту. Давление — нормальное. Кожа не бледная, зрачки реагируют на свет. Никаких признаков психоза, никаких следов длительного стресса, которые должны были бы быть у человека, прожившего десять лет в одиночестве в аду. Датчик фиксировал спокойствие. Слишком спокойствие.

— Вы утверждаете, что после электромагнитного импульса ваша связь с объектом ослабла? — спросил Вернер.

— Да, — сказал Виктор. — Я слышу только эхо. На грани восприятия. Как будто кто-то говорит в соседней комнате, а дверь закрыта. Слов не разобрать, но ритм остаётся. Иногда он совпадает с моим пульсом. Иногда — нет. Это неприятно, но терпимо.

— Вы контролируете себя?

— Полностью. Я помню всё, что произошло. И годы одиночества, и то, как оно говорило со мной, и как я слушал. И как пришёл экипаж «Сокола». Я помню даже, что Алексей сначала принял меня за сумасшедшего. Он был недалёк от истины, но не в том смысле, в каком думал.

— В каком смысле?

— В том, что я действительно слышал голос. Но это не было безумием. Это было присутствием.

Вернер сделал пометку. Потом спросил:

— Вы хотите есть? Пить?

— Да, — сказал Виктор просто. — Воды и чего-нибудь, кроме консервов. Если у вас есть.

Ему дали флягу с водой и питательный батончик. Он пил медленно, маленькими глотками, будто растягивал удовольствие. Потом аккуратно свернул обёртку и положил её в карман.

— Спасибо, — сказал он. Потом помолчал и спросил: — А что с «Голиафом»? И с его экипажем?

Вернер посмотрел на Лукина. Майор едва заметно кивнул.

— «Голиаф» уничтожен, — сказал Вернер. — Ядерным зарядом. В ходе инцидента. Экипаж погиб.

Он сказал это кратко, без деталей. Виктор лишь кивнул без малейшего удивления, будто всю жизнь ждал именно этого исхода.

— Я так и думал, — сказал он. — Алексей не стал бы

врать. Он слишком прямой для этого. Жаль их. Они были хорошими людьми. Просто оказались не в том месте.

— Вы знали их?

— Я видел их. Один раз. Они приходили к разлому. Потом они ушли, и я понял, что они уже не они. А когда пришёл Алексей, я уже знал, что нужно делать. Поэтому и остался.

Вернер закрыл блокнот. Решение созрело быстро, почти мгновенно. Он повернулся к Лукину.

— Майор, я проведу первую беседу с ним немедленно. В отдельной каюте. Не здесь, не в коридоре. Нужно место, где можно сесть и поговорить без помех.

Лукин нахмурился.

— Доктор, мы ещё не проверили модуль. Он может быть нестабилен.

— Он стабилен, — сказал Вернер. — По крайней мере, внешне. И я не хочу, чтобы он сидел в техническом отсеке, где каждая труба может что-то значить. Мне нужна чистая комната. И желательно — без оружия у него перед лицом.

— Оружие останется у входа.

— Согласен. Но не в комнате.

Солдаты заняли позиции у входа в отсек. Техники начали восстанавливать внутреннюю сеть связи модуля — тянули кабели, проверяли разъёмы, включали резервные терминалы. В коридоре снова появился свет, и от этого «Сокол» стал выглядеть ещё более чужим: слишком тихий, слишком аккуратный, слишком мёртвый.

Виктор шёл в каюту для беседы с мягкой, почти покорной походкой. Он не смотрел на солдат. Он смотрел на стены. Его взгляд скользил по панелям, по стыкам, по потолочным лампам, и в этом взгляде было что-то от хозяина, который вернулся в дом после долгого отсутствия и проверяет, всё ли на месте. Он не касался стен, но Вернер заметил, что пальцы его правой руки едва заметно шевелятся, будто он мысленно проводит по обшивке.

Вернер заметил эту привычку, но пока предпочёл не комментировать, делая пометки в блокноте. Он записал: «Тактильный контакт отсутствует, но взгляд сканирующий. Привычка к ориентации в пространстве. Возможно, следствие длительной изоляции. Возможно, что-то ещё».

Техники, которые были среди солдат, доложили, что жизнеобеспечение модуля можно полностью восстановить за несколько часов. Кислородный контур держал, фильтры требовали замены, но резервные были в комплекте. Вода в системе регенерации оставалась пригодной. Свет можно было включить во всех отсеках, кроме кормового, где был повреждён кабель.

— Разрешите начать полную зачистку и дезинфекцию? — спросил майор Лукин. — Как только восстановим свет. Всё-таки модуль долго стоял. Мало ли что.

— Нет, — сказал Вернер. — Никакой зачистки. Никакой дезинфекции. Всё остаётся в исходном состоянии. Каждая вещь, каждый след, каждая пылинка. Это вещдоки.

— Доктор, здесь могут быть биологические следы. Мы не знаем, что здесь могло завестись.

— Тогда возьмите пробы. Аккуратно. Но ничего не уничтожайте. Я не хочу, чтобы мы сами стёрли то, что пытаемся понять.

Лукин поджал губы, но приказ выполнил. Солдаты получили указание не трогать ничего без разрешения. Техники работали только с кабелями и терминалами.

Виктор во время разговора спросил, много ли людей прилетело за ним. Голос его при этом звучал почти безмятежно, как будто он интересовался погодой.

— Достаточно, — сказал Вернер уклончиво. — Чтобы обеспечить безопасность.

— Это не ответ, — заметил Виктор.

— Это тот ответ, который я могу дать.

— Понимаю. Вы не хотите, чтобы я знал. Это разумно. Но я всё равно узнаю. Здесь всё слышно. Даже когда молчат.

Вернер изучал его реакцию на каждое слово. Он не увидел ни раздражения, ни обиды. Только спокойное любопытство, будто Виктор проверял, насколько Вернер готов играть в открытую.

За иллюминаторами модуля ревел вечный венерианский ветер, приносящий с собой мелкую, разъедающую пыль. Она стучала по обшивке, и звук был похож на тихий дождь. В коридоре пахло кислотой и металлом.

Группа не знала, что каждая минута их присутствия на

Венере фиксировалась и анализировалась тем, что спало под пещерой. Тем, что управляло Виктором. Оно не спешило. Оно слушало. Оно считало шаги, вдохи, удары сердец. Оно запоминало.

Виктор, садясь в каюте на предложенный стул, сложил руки на коленях, как пациент в кабинете психоаналитика. Каюта была маленькой, чистой, с двумя стульями и столом, привинченным к полу. На столе стояла лампа, которую техники подключили к переносному аккумулятору. Свет был мягкий, почти домашний.

Вернер сел напротив. Лукин остался у двери, но внутрь не вошёл. Солдаты стояли в коридоре. В каюте было тихо.

— Итак, Виктор, — сказал Вернер, открывая блокнот. — Расскажите мне, что вы слышите сейчас.

Виктор посмотрел на него. Улыбнулся — чуть заметно, одними глазами.

— Сейчас? — переспросил он. — Сейчас я слышу, как вы дышите. Как скрипит стул под вами. Как ветер трётся о стекло. И ещё — как оно слушает.

— Оно?

— Да. Оно всегда слушает. Особенно когда приходят новые люди.

Вернер сделал первую запись. Первая беседа началась.

Глава 6

Каюта, которую выбрали для беседы, была маленькой, но чистой. Техники успели подключить к переносному аккумулятору лампу, и её мягкий свет ложился на стол, на два стула, привинченных к полу, на серые панели стен. С первого взгляда здесь не было ничего особенного — обычный служебный отсек подвижного модуля, каких на «Соколе» было несколько. Но Вернер знал: за панелями, в углах, под потолком и в основании лампы уже работают скрытые камеры и датчики микродвижений лица. Они фиксировали не только слова, но и то, что человек говорит помимо слов: дрожание века, натяжение кожи у рта, едва заметный сбой дыхания. Всё это шло на его коммуникатор и на командный терминал группы.

Вернер сел напротив Виктора. Открыл блокнот, положил рядом универсальный коммуникатор — тяжёлую, чуть шершавую коробочку из магниевого сплава, с толстым корпусом, защищённым от пыли и влаги, с маленьким экраном, утопленными кнопками и откидной антенной защищённой связи. Коммуникатор был старым, надёжным, без лишних функций: он умел писать, записывать голос, шифровать канал и не умирать от одной пылинки в разъёме. Вернер ценил такие вещи. Они не старались казаться умнее человека.

— Итак, Виктор, — сказал он. — Расскажите мне о своей жизни здесь. Не о корабле. Не о голосе. О жизни. Как вы выживали?

Виктор чуть склонил голову набок. Улыбнулся — не ши-

роко, одними губами.

— Вы хотите начать с консервов? — спросил он.

— Хочу начать с того, что вы считаете важным.

— Тогда с консервов, — сказал Виктор. — Потому что всё остальное началось именно с них.

Он рассказывал неторопливо, подробно, с той странной обстоятельностью, которая появляется у людей, долго живших без слушателей. О консервах с истёкшим сроком, которые он сначала сортировал по датам, а потом перестал — потому что даты потеряли смысл. О регенерации воды, которая работала с перебоями, и он научился собирать конденсат с внутренних панелей модуля по утрам, когда перепад температур был наибольшим. О постоянном, ни на секунду не умолкающем шуме ветра, который сначала сводил с ума, а потом стал чем-то вроде фона. Он говорил, что ветер на Венере не воет, как земной. Он скребёт. Трётся о корпус. Иногда кажется, что кто-то снаружи проводит по металлу ладонью.

— Я учился разговаривать вслух, — сказал Виктор. — Сначала просто чтобы слышать человеческий голос. Потом — чтобы не потерять речь. Я говорил с собой, с инструментами, с стенами. Вёл дневники. Адресовал их товарищам. Тем, кто погиб. Я знал, что они не ответят. Но писать им было легче, чем писать никому.

— О чём вы писали?

— О погоде. О том, что нашёл в шкафах. О том, что

вспомнил из детства. О том, как однажды видел в иллюминаторе странный отблеск. Обычные вещи. Но когда пишешь их каждый день, они перестают быть обычными.

Вернер слушал и наблюдал. Он методично проверял реакцию Виктора на ключевые слова. Когда он произносил «корабль», пульс Виктора оставался ровным. Зрачки не расширялись. Мимические мышцы не давали микросудорог. Когда он говорил «голос», реакция была такой же — спокойной, почти скучной. Это было странно. Слишком странно. Человек, десять лет проживший рядом с тем, что говорило у него в голове, должен был хотя бы вздрогнуть. Виктор не вздрагивал. Он смотрел на Вернера так, будто давно предвидел каждый вопрос и заранее решил, что отвечать на них будет вежливо, но без надрыва.

— Вы были одержимы? — спросил Вернер прямо.

Виктор помолчал. Потом кивнул.

— Да, можно сказать и так. Я был одержим. Я выполнял его волю. Я думал, что это моя воля, но это была его. Он не приказывал. Он просто объяснял, как всё устроено. И чем больше я слушал, тем меньше оставалось от меня. А потом пришёл Алексей со своим ЭМИ. И я почувствовал облегчение. Почти физическое. Как будто из головы вынули чужую руку.

— Вы можете описать это ощущение точнее?

— Нет. Это как пытаться описать, что чувствуешь, когда перестаёт болеть зуб. Ты знаешь, что было больно. Ты зна-

ешь, что больше не больно. Но самой боли вспомнить не можешь.

Вернер записал: «Признаёт одержимость в прошлом. Настоящее — описывает как облегчение. Реакции на ключевые слова отсутствуют. Либо контроль полный, либо травма глубже, чем кажется. Внешний контроль инопланетным существом не подтверждаю. Опасность при контакте, преувеличена.»

— Вы согласны показать нам пещеру? — спросил Вернер.

— Да, — сказал Виктор без паузы. — Я сам это предложу, если вы не против. Военные должны увидеть всё своими глазами. А не по чужим записям. Записи — это слова. А там не слова.

— Вы показывали это место кому-нибудь раньше?

— Показывал. Алексею и его экипажу, когда они прилетели за мной. Они не пошли сразу. Сначала не поверили. Потом поверили. Потом ушли. И правильно сделали.

— Почему правильно?

— Потому что нечего там делать. Но вы всё равно пойдёте. И я не вижу смысла скрывать то, что всё равно ждёт любого, кто ступит на эту планету.

Вернер записывал всю беседу на коммуникатор, с которым никогда не расставался. Он отмечал не только слова, но и паузы, и то, как Виктор держит руки, и то, как он смотрит. Агрессии не было. Оборонительной реакции — тоже. Виктор не оправдывался, не нападал, не пытался понравиться.

Он отвечал так, как отвечает человек, которому уже нечего терять, но и нечего доказывать.

И всё же Вернер заметил одну странность. Время от времени Виктор бросал взгляд на пустую стену каюты — не на дверь, не на лампу, а именно на стену, где не было ничего, кроме серой панели. Он смотрел коротко, полсекунды, но смотрел так, будто прислушивался. Потом возвращал взгляд к Вернеру.

— Что там? — спросил Вернер, когда это случилось в третий раз.

Виктор посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Где?

— На стене. Вы смотрите на неё так, будто ждёте ответа.

— А, — Виктор усмехнулся. — Старая привычка. Я слушаю шумы корпуса. По ним можно определить погоду снаружи. Если ветер меняет тон — значит, поднимается пыль. Если стена начинает щёлкать — значит, перепад давления. Я десять лет так жил. Иногда забываю, что теперь можно просто спросить.

Вернер кивнул. Объяснение было логичным. Слишком логичным. Он записал: «Привычка слушать корпус. Объяснение правдоподобно. Проверить при следующем контакте».

Беседа длилась больше часа. Когда она закончилась, Вернер сделал заключительную запись: перед ним адекватный, но глубоко травмированный человек с признаками длительной сенсорной депривации. Не психотик. Не одержимый. Не

враг. Свидетель, который слишком долго жил в тишине и научился слышать то, чего другие не слышат.

Он вышел в коридор и связался со станцией по защищённому каналу. Орлов ответил почти сразу.

— Доктор. Докладывайте.

— Карпов адекватен. Говорит связно. Признаёт факт одержимости в прошлом, но утверждает, что после ЭМИ связь ослабла. Реакции на ключевые слова чистые. Я не вижу признаков лжи. Он может быть полезен как проводник и источник информации.

— Вы ему доверяете?

— Я доверяю данным. Данные говорят, что он стабилен.

— Данные можно подделать, — сказал Орлов. — Даже если он сам не знает, что подделывает. Не рискуйте всем отрядом. Ограничьте группу похода к пещере минимальным составом.

— Сколько?

— Четверо солдат. Вы. И он. Остальные остаются на «Соколе». Но должны быть готовы выдвинуться по первому сигналу.

Вернер не сопротивлялся. Он и сам не хотел вести в пещеру двадцать четыре человека. Четверо солдат, он и Виктор — этого было достаточно, чтобы увидеть, зафиксировать и вернуться. Если что-то пойдёт не так, группа прикрытия ждёт на модуле.

Солдатам приказали держать Виктора под постоянным

визуальным наблюдением. Не выпускать из поля зрения ни на секунду. Даже когда он спит. Особенно когда он спит.

Виктор после разговора спокойно согласился выступить проводником. Он даже помог техникам подобрать маршрутные маркеры — небольшие маячки, которые крепились на стены коридоров, чтобы группа не потерялась в случае пылевой бури или отказа навигации. Он брал маркер в руки, поворачивал его, проверял крепление и говорил, где лучше поставить. Техники слушали его внимательно. Он говорил как человек, который знает этот путь наизусть.

Вернер чувствовал лёгкое профессиональное удовлетворение. За считанные часы он получил доступ к главной тайне Венеры. Не через допросы, не через давление, а через разговор. Виктор сам открыл дверь. Оставалось только войти.

Майор Лукин, командир группы прикрытия, был менее оптимистичен. Он выслушал план Вернера, посмотрел на Виктора через стекло каюты и сказал:

— Я против того, чтобы гражданский шёл впереди солдат.

— Он не впереди, — сказал Вернер. — Он рядом. Он показывает дорогу.

— Он показывает дорогу туда, где, по его словам, живёт нечто, что умеет говорить в головах. Доктор, вы правда думаете, что он поведёт нас туда, где нам будет безопасно?

— Я думаю, что он поведёт нас туда, где мы увидим правду. А безопасность — это наша задача, не его.

Лукин поджал губы. Потом сказал:

— Тогда группа идёт в полном боевом снаряжении. Тяжёлое оружие. Полный боекомплект. Я не собираюсь отправлять людей в пещеру с пистолетами.

— Согласен, — сказал Вернер. — Но оружие не применять без моего приказа. И без прямой угрозы.

— Угроза там может быть такой, что вы не успеете приказ отдать.

— Тогда действуйте по обстановке. Но помните: если мы начнём стрелять в то, что там внизу, мы можем разрушить то, за чем пришли.

Лукин ничего не ответил. Он повернулся и пошёл проверять снаряжение.

Техники тем временем восстановили связь модуля со станцией. Это заняло больше времени, чем обещали: кабель в кормовом отсеке был повреждён, пришлось тянуть обходную линию через технический коридор. Но к вечеру терминал в командном отсеке «Сокола» ожил. На экране поползли первые сводки: состояние систем, уровень кислорода, температура, данные с датчиков. Техники начали передавать отчёты на «Гермес-9».

Виктор, услышав о восстановлении связи, на мгновение задержал взгляд на терминале. Это длилось не больше секунды. Потом он снова посмотрел на Вернера и спросил, будут ли ещё вопросы. Вернер заметил эту деталь. Он отметил её в отчёте как «требующую наблюдения». Слишком короткий взгляд. Слишком быстрый. Но в нём было что-то, чего не

было раньше: не страх, не радость, а узнавание. Будто Виктор увидел старую вещь, которую давно не видел, и вспомнил, для чего она служит.

Вечером перед выходом солдаты проверили скафандры, запас кислорода и системы навигации. Они работали молча, сосредоточенно. Каждый знал своё дело. Каждый понимал, что завтра придётся спуститься в пещеру, о которой говорили слишком много странного.

Виктор в этот момент сидел в углу отсека и тихо напевал какую-то старую земную колыбельную. Слов Вернер не разобрал. Мелодия была простой, медленной, немного грустной. Виктор пел её негромко, почти шёпотом, словно убаюкивая самого себя.

Вернер слушал его и не мог избавиться от ощущения, что Виктор напевает не себе. Он пел кому-то, кого здесь нет. Или кому-то, кого здесь не видно.

Ночью в модуле установили усиленное дежурство. У каждого входа стояли солдаты. В коридорах горел свет. Камеры работали в режиме непрерывной записи. Виктор, по его словам, десять лет спал без всякой охраны. Ему это не мешало. Он лёг на койку в техническом отсеке, закрыл глаза и через несколько минут уже дышал ровно и глубоко.

На станции «Гермес-9», расположенной на орбите планеты, аналитики уже изучали первые кадры с камер модуля. Они прокручивали запись беседы Вернера и Виктора, кадр за кадром, и на одном из фрагментов заметили странность.

Микродвижения глаз Виктора не совпадали с направлением речи. Когда он говорил о консервах, его зрачки смещались влево и вверх, будто он смотрел не на Вернера, а на что-то за его плечом. Когда он замолкал, движение прекращалось. Когда начинал снова — возобновлялось.

Аналитик отправил запрос Вернеру. Вернер прочитал его утром, перед выходом, и на секунду задержал взгляд на экране коммуникатора. Потом закрыл сообщение и убрал коммуникатор в карман.

— Что-то важное? — спросил Лукин.

— Пока нет, — сказал Вернер. — Наблюдение.

Утром группа готовилась выйти к пещере.

Глава 7

Утром отряд вышел из модуля «Сокол» в тяжёлых защитных герметичных костюмах, способных выдерживать продолжительное время враждебную атмосферу Венеры. Шлюз открылся с глухим металлическим стуком, и наружу вместе с людьми ворвался желтоватый сумрак. Кислотная пыль, висевшая в воздухе мелкой взвесью, сразу окутала фигуры, осела на забралах, забилась в фильтры вентиляции. Вентиляторы отозвались хриплым шипением, будто кто-то провёл наждаком по внутренней стороне шлема. Вернер услышал этот звук в наушниках и машинально отметил: фильтры работают на пределе, но работают.

Ветер нёс через раскалённую равнину потоки мелкой сернистой пыли. Она не летела ровно, а стлалась низко, клубилась у самых сапог, поднималась короткими смерчами и снова опадала. Видимость упала до нескольких десятков метров. Впереди угадывались только смутные очертания скальной гряды — тёмные, размытые, будто нарисованные углём на мокрой бумаге. Всё остальное было жёлто-серым, горячим, чужим. Даже солнце сквозь облака казалось не диском, а мутным пятном, которое не давало тепла, а только усиливало ощущение, что они идут по дну огромной раскалённой чаши.

Виктор шёл уверенно и легко. Слишком уверенно. Слишком легко. Он не смотрел под ноги, не проверял каждый шаг, не оглядывался по сторонам, как делали бы люди, впервые оказавшиеся на незнакомой поверхности. Он двигался так, будто помнил каждый камень, каждую впадину, каждый опасный участок маршрута. Где-то он чуть замедлялся, где-то сворачивал раньше, чем тропа успевала повернуть, и всякий раз оказывался прав. Пыль скрывала ориентиры, но для Виктора их будто и не существовало. Он нёс своё знание внутри себя, как старую карту, выученную наизусть.

Вернер шёл вторым. Он держал автономный навигатор на левом предплечье и непрерывно записывал показания всех переносных приборов: температуру, давление, радиационный фон, состав газовой смеси, уровень магнитных возмущений. Экран навигатора был маленьким, защищённым от

пыли, но даже сквозь него было видно, что стрелки и графики ведут себя странно. Не хаотично. Именно странно. Будто приборы фиксировали не случайный шум, а медленный, повторяющийся ритм.

Солдаты в арьергарде и охранении держали оружие наготове. Гринько шёл слева, чуть позади Виктора, Ковалёв — справа, Шульц и Дёмин замыкали. Их психодатчики передавали на борт «Клинка» лёгкие, но устойчивые признаки стресса. Не паника. Не страх. То ровное, сжатое напряжение, которое появляется у профессионалов, когда они понимают: впереди может быть всё что угодно, и расслабиться нельзя ни на секунду. Вернер видел эти данные на боковой панели коммуникатора и не мешал. Такое напряжение было полезнее беспечности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.